

Финансовая и инвестиционная политика в зеркале системы производственных мощностей: тест не пройден¹

А.В. Алексеев

УДК 330

Аннотация. На основе анализа временных рядов данных в структуре «мощности-выпуски-инвестиции» по товарам – представителям основных отраслей добывающих и обрабатывающих производств рассмотрены факторы, препятствующие выходу экономики России на новую, адекватную современным реалиям, экономическую магистраль. Особое внимание уделено взаимосвязи динамик выпуска промышленной продукции и инвестиций в контексте проблематики воспроизводства производственных мощностей российской промышленности (их абсолютном уровне, динамике ввода/выбытия и интенсивности использования). Рассмотрены особенности государственного регулирования экономической деятельности в РФ и влияние проводимой ЦБ РФ денежно-кредитной политики на темпы и характер инвестиционного процесса как с точки зрения возможности его осуществления (условий получения кредита на инвестиционные цели), так и спросовых ограничений, задаваемых величиной ключевой ставки.

Ключевые слова: экономический рост; выпуск промышленной продукции; производственные мощности; инвестиции; ключевая ставка; промышленная политика

«Трудность не в том, чтобы найти новые идеи, а в том, чтобы освободиться от старых».

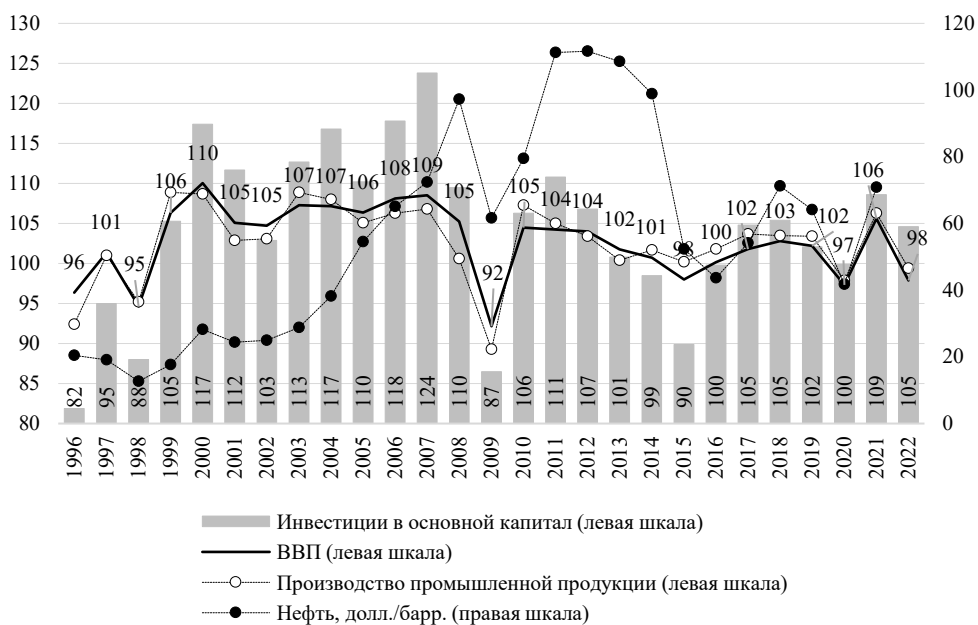
Джон Мейнард Кейнс

Введение

Российское общество уже второе десятилетие мучительно ищет новую модель экономического роста. Действительно, после (по мнению ряда исследователей – в результате) финансового кризиса 1998 г. экономика страны вошла в свое золотое десятилетие. Среднегодовые темпы прироста ВВП в 1999–2008 гг. составили 7%, производства промышленной продукции – 6%, инвестиций – немислимые по современным меркам – 13%.

¹ Работа выполнена по плану НИР ИЭОПП СО РАН, проект 5.6.6.4. (0260–2021–0008) «Методы и модели обоснования стратегии развития экономики России в условиях меняющейся макроэкономической реальности» № 121040100281–8.

Финансово-экономический кризис 2008–2009 гг. подвел черту под этим динамичным развитием. Если абстрагироваться от неплохих показателей 2010–2011 гг. (по сути – компенсации провала 2009 г.), то среднегодовые темпы прироста ВВП, производства промышленной продукции и инвестиций в 2012–2019 гг. были уже совсем другими: 1,4%, 2,3% и 1,0% соответственно. Год 2020-й – тяжелый ковидный. В 2021 г. ситуация улучшилась, но оснований для оптимизма меньше, чем представляется на первый взгляд – здесь также наблюдается эффект низкой базы 2020 г. (рис. 1). События 2022 г. и вовсе поставили перед российским обществом принципиально новые вызовы.

Источник. Здесь и далее данные Росстата.

Рис. 1. Темпы роста производства промышленной продукции, ВВП и инвестиций в 1996–2022 гг., %

Двенадцатилетний застой в экономике – это закономерное следствие предшествующего десятилетия бурного экономического роста или результат ошибок в проводимой экономической политике? Рассмотрим факторы, препятствующие выходу экономики России на новую, адекватную современным реалиям, экономическую магистраль. Особое внимание уделим взаимосвязи динамик выпуска промышленной продукции, инвестиций в создание

условий для ее производства, а также остающейся на периферии современного экономического дискурса проблематике производственных мощностей российской промышленности (состояния их уровня, динамики и интенсивности использования). Эта статистика объясняет неожиданно многое.

Эмпирическая база исследования

Специфика имеющейся в открытом доступе информации такова, что создать сколько-нибудь длительные временные ряды «мощности-выпуск-инвестиции» по всей номенклатуре производимой продукции не представляется возможным. Особенно непросто обстоит дело со статистикой мощностей. Росстат ежегодно разрабатывает Баланс производственных мощностей, но не публикует его, в открытом доступе есть лишь фрагментированная, по-разному организованная в разные годы информация по среднегодовым мощностям (для 350–390 видов продукции), уровням ее использования, увеличению и выбытию мощностей за счет различных факторов. Безусловное достоинство этой информации – она представлена в натуральных показателях, что устраняет традиционные ценовые искажения.

Впрочем, в проведении сплошного исследования по всей номенклатуре производимых в РФ товаров необходимости нет. Анализ ситуации в рамках репрезентативной выборки продукции отдельных отраслей (в той мере, в какой это возможно в силу публикуемой статистики) позволяет ответить на интересующий нас вопрос. Для этого достаточно рассмотреть динамику выпуска некоторых товаров-представителей в добывающих и обрабатывающих производствах в натуральном выражении, значимость которых в народном хозяйстве РФ (и степень репрезентативности соответствующих выборок) можно оценить по величине инвестиций в основной капитал, осуществляемыми компаниями-производителями (данные по состоянию на 2021 г.).

Рассмотрим два периода: еще спокойный посткризисный 2011–2013 гг.; как выяснилось позднее, мягкосанкционный 2014–2021 гг. и 2022-й – год вхождения российской экономики в новую социально-экономическую реальность.

Добывающие производства

Анализ взаимозависимости данных «выпуск продукции – производственные мощности (ПМ) – инвестиции» в добывающем секторе РФ показывает, что темпы роста выпуска продукции здесь стабильно невелики. Их слабоповышательная динамика в целом обеспечивалась быстрым ростом

добычи газа. Темпы прироста другой продукции добывающего комплекса – угля, нефти, железной руды и руд цветных металлов быстро сокращаются. В 2022 г. в лучшем случае наблюдается резкое сокращение темпов роста выпуска продукции, а для нефтегазового комплекса и черной металлургии – и вовсе заметное сокращение производства (табл. 1).

Таблица 1. Показатели развития добывающих производств в 2010–2022 гг., %

Показатель		Добыча полезных ископаемых	Уголь каменный и бурый, млн т	Нефть, поступившая на переработку	Газ природный и попутный	Добыча и обогащение железных руд	Добыча руд цветных металлов
Среднегодовой темп прироста выпуска продукции	2011–2013 гг.	1,3	3,8	3,1	1,1	2,5	7,2
	2014–2021 гг.	1,5	2,8	0,4	5,1	0,8	3,4
	2022 г.	1,3	0,2	-10,1	-2,9	-6,4	1,3
ПМ в 2021 г. к 2014 г.		-	120,4	-	-	107,1	-
ПМ в 2022 г. к 2021 г.		-	103,6	-	-	103,7	-
Использование ПМ в 2021 г. к 2014 г.		-	101,6	90,9	-	-	-
Среднегодовой уровень использования ПМ	2010–2013 гг.	-	79,3	91,8	-	92,2	-
	2014–2021 гг.	-	82,7	85,9	-	91,9	-
	2022 г.	-	79,6	81,4	-	-	-
Среднегодовые темпы прироста инвестиций	2010–2013 гг.	7,4	20,5	5,6	5,6	-	-
	2014–2021 гг.	2,3	2,6	2,7	16,4	3,7*	10,7*
	2022 г. (январь–сентябрь)	10,6	3,2	10,1	13,2	17,8	9,2
Инвестиции в основной капитал в 2021 г., млрд руб.		3 124	171,5	769,4**	526,5***	70,9	292

Примечание. * – Данные за 2017–2021 гг.

** – В пересчете на переработку без учета предоставления услуг.

*** – Без учета предоставления услуг.

Резервов ПМ в добывающих производствах нет – имеющиеся используются эффективно и почти на пределе возможностей.

Ситуация с инвестициями менее однозначна. Они постепенно снижаются (за исключением сектора добычи природного газа), что, в свою очередь, предопределяет еще более скромные приросты выпусков рассматриваемой продукции уже в кратко- и, тем более, среднесрочной перспективе. Однако в 2022-м переломном году темп прироста инвестиций резко возрастает.

Таким образом, ожидать существенных приростов выпуска продукции в добывающем секторе не стоит, но с учетом резко обострившихся в 2022 г. проблем с экспортом природных ресурсов слабая инвестиционная динамика последних лет здесь, по-видимому, не станет и ограничением для развития российской экономики.

Обрабатывающие производства

Ситуация в обрабатывающем секторе гораздо менее оптимистична. С одной стороны, на протяжении всего рассматриваемого периода темпы роста выпуска продукции здесь заметно выше, чем в добывающем секторе. Но с другой – в добыче полезных ископаемых они пусть слабо, но растут, а в обрабатывающих производствах быстро сокращаются.

Если в 2010–2013 гг. темпы прироста инвестиций здесь лишь немногим уступали добывающему сектору, то в 2014–2021 гг. не просто резко снизились, а вообще ушли в отрицательную область. В результате в 2022 г. в развитие обрабатывающих производств инвестировалось *меньше* средств, чем в добычу природных ресурсов (3 281,2 и 3 842,3 млрд руб. соответственно).

Снижение инвестиций в обрабатывающую промышленность (на 6,3 п.п.! по итогам 2022 г.) при заметно возросших вложениях в добывающие производства в условиях нарастающих санкционных ограничений – странная реакция российской экономики на внешние вызовы. Действительно, возможности экспорта природных ресурсов сужаются, импортировать продукцию обрабатывающих отраслей становится все сложнее, при этом инвестиции в добычу полезных ископаемых растут, а в обрабатывающие производства сокращаются. Речь, конечно, не идет о том, что развитие добывающего сектора необходимо замедлить, но то, что развитию обрабатывающей промышленности необходимо придать ускорение, сомнений не вызывает [Аганбегян, 2019].

Рассмотрим ситуацию в отдельных отраслях обрабатывающего сектора.

Химическая промышленность

Динамика производства основных видов химических и веществ, и продуктов благоприятна, но лишь на первый взгляд. С одной стороны, среднегодовые темпы прироста выпуска продукции в отрасли в течение длительного времени были сравнительно высоки и, более того, росли. Правда, 2022 г. отрасль пережила тяжело. С другой стороны, «выброс» 2022 г. может быть преодолен уже в 2023 г., но резко замедлившиеся темпы роста инвестиций в 2014–2021 гг. ставят под сомнение сохранение высоких темпов приростов выпуска продукции в будущем. Впрочем, в химической промышленности, так же, как и в добывающих производствах, 2022 г. особенный. И здесь на фоне общего снижения выпуска наблюдается заметный рост инвестиций, что дает основания для осторожного оптимизма о будущем отрасли.

Есть ли у нее резервы? Чтобы ответить на этот вопрос, проанализируем взаимосвязь показателей «выпуск продукции – производственные мощности – инвестиции» для отдельных видов продукции. Рассмотреть всю номенклатуру химической промышленности отрасли не представляется возможным: Росстат представляет данные по укрупненным позициям, причем далеко не всегда последовательно. Тем не менее приведенные в таблице 2 позиции занимают почти 60% в инвестиционной программе отрасли и, с известными оговорками, могут быть признаны представительной выборкой, на основе которой уже можно делать релевантные выводы о ситуации в отрасли.

Темпы прироста выпуска продукции по отдельным позициям существенно различаются. Быстро растет, например, выпуск минеральных удобрений и лакокрасочных материалов, но замедляется пластмасс и шин. По всем рассмотренным позициям растут как производственные мощности, так и интенсивность их использования. При этом достигнутый уровень их использования таков, что ожидать на них дальнейшего роста выпуска продукции уже не приходится (за исключением лакокрасочной продукции). Инвестиции же росли только в шинной промышленности, да и то в 2022 г. по отношению к 2021 г. они сократились почти на 1/3. По остальным позициям рост инвестиций либо незначителен, либо и вообще отрицательный.

Таблица 2. Показатели производства обрабатывающих производств (2011–2022 гг.).
Химическая промышленность, %

Показатель	Обрабатывающие производства, всего		Производство основных видов химических веществ и химических продуктов	Удобрения минеральные или химические	Пластмассы в первичных формах	Шины, покрышки и камеры резиновые	Материалы лакокрасочные для нанесения покрытий, полиграфические краски
	2011–2013 гг.	2014–2021 гг.					
Среднегодовой темп прироста выпуска продукции	4,5	3,4		1,3	12,9	6,3	4,3
	3,1	5,1		4,6	7,0	3,4	5,2
	0,3	-2,4		-8,9	-5,4	-20,6	-6,6
ПМ в 2021 г. к 2014 г.	-	-		121,2	136,4	113,4	112,4
ПМ в 2022 г. к 2021 г.	-	-		119,3	101,9	92,9	100,6
Использование ПМ в 2021 г. к 2014 г.	-	-		-	105,6	122,4	111,0
	-	-		84,7	71,3	77,0	40,8
Среднегодовой уровень использования ПМ				87,6	82,1	73,7	46,4
				69,3	81,8	76,4	47,8
	7,3	13,0		-	-	-	-
	-0,4	3,6		-1,6*	0,02*	14,6*	-11,9*
Среднегодовые темпы прироста инвестиций				13,7	80,1	-31,4	-19,1
Инвестиции в основной капитал в 2021 г., млн руб.	3037	516,7		128,3	152,8	18,5	3,5

Примечание. * – Данные за 2017–2021 гг.

На основе анализа ситуации по ограниченному числу укрупненных позиций делать далекоидущие выводы о перспективах развития химического комплекса не стоит. Более того, даже существенное увеличение числа анализируемых товарных позиций не гарантирует получение качественных выводов. Действительно, все большая часть продукции является российской лишь формально – без критически значимых и не производимых в РФ импортных материалов и комплектующих она не может быть создана. Так, например, глава «Татнефтехиминвест-холдинга» Рафинат Яруллин говорит: «Вроде шина – это взял каучук, перемешал с чем-то. А перемешать надо не менее двухсот различных компонентов. И большинство этих компонентов приходит с Запада» [Кудияров, 2022]. В целом, имеющиеся данные не дают оснований ожидать здесь сколько-нибудь значимого роста выпуска продукции.

Производство компьютеров, электронных и оптических изделий

Декларируемый курс на создание инновационной экономики в РФ определяет повышенный интерес к динамике производства компьютерной техники. Сразу обращает на себя внимание тот факт, что доля материальной основы информационной эпохи – электронного и оптического оборудования – в инвестициях в обрабатывающие производства в целом невелика – примерно 2,6% (в структуре выпуска обрабатывающих производств немногим более 2,7%, 2021 г.). Это тем более странно, что Росстат выделяет в данной категории свыше шести десятков разагрегированных позиций, правда, сколько-нибудь длительные динамические ряды в рамках интересующей нас триады показателей удастся выстроить лишь по четырем из них (да и то не полностью).

Темпы прироста выпуска продукции здесь заметно выше, чем по обрабатывающим производствам в целом, но это не столько основание для оптимизма, сколько признак незрелости отрасли. Темпы прироста выпусков крайне «рваные»: прирост на десятки процентов по одним позициям сопровождается сопоставимым снижением по другим. Результаты 2022 г. демонстрируют, с одной стороны, заметный рост выпуска продукции по отрасли в целом, с другой – лавинообразное снижение производств отдельных ее видов.

Невелик в целом и прирост инвестиций. Существенный, на первый взгляд, прирост как выпуска продукции, так и мощностей по их производству по отдельным позициям (например, ЭВМ и печатных плат), с учетом небольших объемов инвестиций, очевидно, является эффектом низкой базы. В то же время выпуск портативных компьютеров, напротив, быстро снижался, при этом мощности по их производству все же увеличились. По интегральным схемам сокращалось и производство, и мощности (табл. 3).

Таблица 3. Показатели производства компьютеров, электронных и оптических изделий в 2011–2022 гг., %

Показатель		Производство компьютеров, электронных и оптических изделий	Машины вычислительные электронные цифровые для автоматической обработки данных	Компьютеры портативные массой не более 10 кг (ноутбуки, планшеты, карманные компьютеры, в том числе смартфоны)	Платы печатные смонтированные	Схемы интегральные электронные
Среднегодовой темп прироста выпуска продукции	2011–2013 гг.	9,4	11,0	-	6,9	-3,0
	2014–2021 гг.	5,9	68,8	-22,5*	22,4	-0,6
	2022 г.	9,3	-39,1	89,2	-19,9	-21,0
ПМ в 2021 г. к 2014 г.		-	550,9	112,6**	277,6**	87,4**
Использование ПМ в 2021 г. к 2017 г.		-	179,5	36,1	61,3	80,0
Среднегодовой уровень использования ПМ	2017–2021 гг.	-	57,4	46,3	60,9	66,2
	2022 г.	-	81,2	43,3	20,2	56,0
Среднегодовые темпы прироста инвестиций	2010–2013 гг.	-	4,6	-	-	-
	2014–2021 гг.	3,3	3,3	-	-	-
	2022 г. (январь–сентябрь)	4,6	-	-	-	-
Инвестиции в основной капитал в 2021 г., млн руб.		77484	1736		1103	3403

Примечание. * - Данные за 2017–2021 гг. ** – ПМ в 2021 г. к 2017 г.

Отрасль незрелая. Инвестиции в нее в 2021 г. составили 77,5 млрд руб., а в США в этом же году 122,3 млрд долл.² (и это еще без оптических

² Бюро экономического анализа (США) URL: https://apps.bea.gov/iTable/?isuri=1&reqid=10&step=4&categories=flatfiles&nipa_table_list=1 (дата обращения: 20.12.2023).

изделий). Уровень ее развития никак не соответствует ни роли в создании современной инновационной экономики, ни потребностям страны, ни требованиям национальной безопасности.

В производстве компьютеров начинает проявляться, как увидим далее, характерный для обрабатывающих производств эффект: низкий уровень использования имеющихся производственных мощностей задает невысокие темпы прироста инвестиций. Действительно, уровень загрузки мощностей при производстве интегральных схем не превышает 66%; по остальным позициям, по которым есть данные, – еще меньше. Это представляется странным: компаний, производящих электронную и оптическую технику, в РФ немного, и даже их мощности загружены лишь наполовину. Зачем тогда нужны дополнительные инвестиции, если уже созданные производства простаивают?

Вариантов ответа на этот вопрос два, и они, в зависимости от конкретной ситуации, противоположны. Если выпускаемая продукция более-менее конкурентоспособна, но имеющийся спрос на нее не позволяет загрузить производственные мощности полностью, ожидать здесь активных инвестиций не стоит (кроме случаев, связанных со стратегически значимыми для инвестора направлениями развития бизнеса). Если же мощности простаивают потому, что производимая на них продукция неконкурентоспособна, то, напротив, активизация инвестиций для преодоления технологического отставания вполне возможна. Правда, этот потенциал для капиталоемких проектов в условиях открытой экономики и специфической российской институциональной среды реализуется плохо.

Производство электрического оборудования

Среднегодовые темпы прироста производства электрооборудования традиционно низки и не имеют тенденции к росту. Ответ на вопрос: «Есть ли основания ожидать здесь ускорения темпов прироста выпуска продукции?» неоднозначен. Действительно, с одной стороны, среднегодовые темпы прироста инвестиций за 2014–2021 гг. в этой сфере существенно отрицательны, а падение в 2022 г. и вовсе катастрофично. По большинству позиций (по которым имеется информация) ПМ сокращаются, причем значительно. Казалось бы, о каких «светлых» перспективах здесь можно говорить? С другой стороны, оставшиеся мощности все же начинают использоваться более интенсивно, хотя абсолютный уровень их загрузки остается чрезвычайно низким (табл. 4).

Таблица 4. Показатели производства электрического оборудования в 2010–2022 гг., %

Показатель	Электрооборудование	Электродвигатели						Генераторы переменного тока (синхронные)	Аккумуляторы свинцовые для запуска поршневых двигателей	Лампы накаливания или газоразрядные; дуговые; светодиодные
		мощностью более 37,5 Вт, электродвигатели и генераторы постоянного тока	переменного и постоянного тока универсальные, мощные, мощностью более 37,5 Вт	переменного тока многофазные, мощность не более 750 Вт	переменного тока многофазные, мощность от 750 Вт до 75 кВт	переменного тока многофазные, выходной мощностью более 75 кВт	переменного тока многофазные, выходной мощностью более 75 кВт			
Среднегодовой темп прироста выпуска продукции	1,7	-5,2	-	-	-	-	-	7,3	-	
2011–2013 гг.										
2014–2021 гг.	1,4	-3,6	4,0*	7,4*	1,1*	1,1*	2,1*	6,5	-7,5*	
2022 г.	1,1	-30,2	19,2	-11,5	-1,7	-1,7	-4,5	-19,8	-20,6	
ПМ в 2021 г. к 2014 г.	-	46,3	76,0	108,9	94,1	94,1	78,9	131,1	59,6	
Использование ПМ в 2021 г. к 2017 г.	-	72,7	116,4	121,5	112,4	112,4	91,0	100,6	78,3	
Среднегодовой уровень использования ПМ, 2017–2021 гг.	-	35,7	11,0	19,7	48,9	48,9	28,2	57,2	52,8	
2022 г.	-	28,0	21,8	16,2	19,7	53,2	64,4	49,58	33,4	
2010–2013 гг.	18,0	-	-	-	-	-	-	-	-	
Среднегодовые темпы прироста инвестиций	-4,6	16,9*	16,9*	16,9*	16,9*	16,9*	55,0*	74,0*	31,1*	
2022 г. (январь–сентябрь)	-27,2	-14,1	-14,1	-14,1	-14,1	-14,1	-37,1	-18,1	-43,7	
Инвестиции в основной капитал в 2021 г., млрд руб.	34,4	6,6	6,6	6,6	6,6	6,6	2,1	1,8	2,1	

Примечание. * – Данные за 2017–2021 гг.

Очевидно, что часть рассматриваемых мощностей устарела, производимая на них продукция слабо соответствует рыночным требованиям, поэтому и интенсивность их использования невысока. В докладе Центра стратегических разработок отмечается, что в российской обрабатывающей промышленности (без нефтепереработки) доля неконкурентоспособных мощностей (возрастом свыше 10 лет, незагружаемых, по меньшей мере, последние пять лет) составляет примерно 13–14%, а в производстве машин и оборудования – 25% [Сальников, 2017]. Косвенно эти данные подтверждаются тем, что по ряду позиций с низким использованием мощностей наблюдается быстрый прирост инвестиций (правда, абсолютный их уровень невелик). Но низкое использование мощностей – явление массовое, а высокие темпы прироста инвестиций – нет. Да и в рассмотренных ранее добывающей и химической промышленности мощности используются очень интенсивно. Ситуация с инвестициями там лучше, чем в электротехнической промышленности, но не настолько, чтобы полностью снять проблему устаревания производственного аппарата.

Итак, проблемы с использованием мощностей наблюдаются в производстве компьютеров, электротехнического оборудования. Что происходит в других отраслях обрабатывающей промышленности?

Производство машин и оборудования, не включенных в другие группировки

Ситуация с производством машин и оборудования может показаться чуть лучше, чем в электротехнике: здесь выше темпы прироста выпуска продукции, не столь быстро снижаются инвестиции, больше дифференциация по отдельным позициям: по ряду из них выпуск продукции быстро растет, по другим быстро сокращается. Еще больший разброс в темпах прироста инвестиций. Среднегодовой прирост капвложений в производство деревообрабатывающих станков за 2013–2021 гг., например, превышал 100%. Вот только их абсолютная величина в еще мирном 2021 г. составила всего 59 млн руб. – мизерная сумма, сопоставимая с ценой среднего коттеджа в Подмосковье. И это в стране, занимающей первое место в мире по запасам леса!

Притча во языцех – станки металлорежущие. Мощности по их производству в 2021 г. по сравнению с 2014 г. сократились вдвое. Уровень их использования – чуть выше 20%, ежегодное снижение инвестиций – 30%. При этом ситуация с производством металлорежущих станков вовсе не уникальна: по большинству из рассматриваемых позиций ПМ в 2021 г. были *меньше*, чем в 2014 г. Более того, интенсивность использования их в 2014–2021 гг. была, как правило, ниже, чем в 2010–2013 гг. (табл. 5).

Таблица 5. Показатели производства машин и оборудования
в 2011–2022 гг., %

Показатель		Машины и оборудование, не включенные в другие группировки	Турбины		Краны мостовые электрические	Тракторы для с/х прочие	Станки		Машины кузнечно-прессовые	Экскаваторы
			на водяном паре и прочие паровые	газовые, кроме турбореактивных и турбовинтовых			металлорежущие	деревообрабатывающие		
Среднегодовой темп прироста выпуска продукции	2011–2013 гг.	0,8	-9,2	-15,3	4,8	12,3	5,7	16,6	15,9	-
	2014–2021 гг.	3,6	15,0	-0,5	-6,3	-3,0	-2,0	-11,7	10,1	16,6
	2022 г.	0,5	-34,8	45,6	-19,8	32,3	0,5	-87,5	34,6	-57,5
ПМ в 2021 г. к 2014 г.		-	324,7	87,7	14,4	43,0	50,9	25,7	93,2	72,1
Использование ПМ в 2021 г. к 2014 г.		-	142,9	61,3	87*	166*	154,8	74,8	67,1	234,4
Среднегодовой уровень использования ПМ	2010–2013 гг.	-	15,8	50,0	-	30,8	13,7	-	40,3	18,0
	2014–2021 гг.	-	17,1	28,7	24**	18,4	21,3	3,2**	14,3	21,8
	2022 г.	-	9,8	38,3	17,3	37,3	25,5	2,1	16,3	18,4
Среднегодовые темпы прироста инвестиций	2010–2013 гг.	10,6	-	-	-	-	-	-	-	-
	2017–2021 гг.	2,1 (данные за 2014–2021 гг.)	47,3	48,4	37,4	46,1	-30,1	102,6	-8,3	33,9
	2022 г. (январь–сентябрь)	-2,5	10,1	34,7	-37,7	260,6	-14,5	166,3	-55,1	-34,6
Инвестиции в основной капитал в 2021 г., млрд руб.		57,7	2,6	0,3	0,4	1,6	0,8	0,06	-	-

Примечание. * – Использование ПМ в 2021 г. к 2017 г.

** – Данные за 2017–2021 гг.

Год 2022-й не показал появления положительных трендов в развитии производства машин и оборудования. Отрасль в целом стагнирует с огромными разбросами анализируемых показателей по отдельным позициям. Имеющиеся мощности используются крайне неэффективно. Инвестиции, необходимые для снижения разбалансированности имеющейся производственной системы, сокращаются, при этом их абсолютные значения, строго говоря, остаются ничтожны.

В целом, за отдельными бесспорными достижениями в машиностроении скрывается общая деградация машиностроительного комплекса страны, ставящая под угрозу ее суверенитет [Новый импульс, 2022].

Производство автотранспортных средств

Обращение к ситуации в автомобильной промышленности оставляет сложное впечатление. С одной стороны, в начале второго десятилетия нового века здесь все было очень хорошо: фантастические, по сегодняшним меркам, темпы роста выпуска, впечатляющая динамика инвестиций. Но после 2014 г. что-то сломалось. Объемы выпуска начали сокращаться, резко затормозилась инвестиционная программа. Лишь производство троллейбусов, двигателей внутреннего сгорания и прицепов выбивается из общего ряда, демонстрируя рост и выпусков, и инвестиций. Производство же легковых и грузовых автомобилей, автобусов, автокранов устойчиво сокращалось. Особенно тяжелым испытанием для автомобильной промышленности стал 2022 г.: выпуск продукции снизился чуть ли не вдвое.

Более того, быстро сокращались и мощности по производству основных видов продукции автомобильной промышленности, за исключением двигателей внутреннего сгорания. Да, оставшиеся мощности в 2021 г. эксплуатировались более интенсивно, чем в 2014 г. Тем не менее уровень их использования вызывает, мягко говоря, изумление. Пятидесятипроцентная загрузка здесь – отличный результат. Нередко она составляет лишь 30% и даже 20%.

Невысокие в течение всего периода инвестиции в отрасль в 2022 г. если и не прекратились полностью, то резко сократились. По отдельным позициям, по которым и ранее инвестиционная активность стремилась к нулю, кардинального улучшения ситуации не произошло, но для большинства видов продукции со сколько-нибудь значительными масштабами выпуска 2022 г. оказался одним из самых тяжелых в новейшей истории (табл. 6).

Таблица 6. Показатели производства автотранспортных средств в 2011–2022 гг., %

Показатель		Авто-транспортные средства, прицепы и полуприцепы	Двигатели внутреннего сгорания для автотранспорта	Автомобиле-легковые	Автобусы с допустимой максимальной массой более 5т	Троллейбусы	Авто-транспорт грузовой	Автокраны	Средства транспортные для коммунального хозяйства и содержания дорог
Среднегодовой темп прироста выпуска продукции	2011–2013 гг.	30,3	0,9	18,6	25,7	19,6	11,4	21,3	-
	2014–2021 гг.	-0,8	5,9	-2,9	-0,1	20,5	-0,5	-4,1	4,6
	2022 г.	-44,2	-32,7	-67,1	-19,4	-5,1	-23,0	-0,4	-7,4
ПМ в 2021 г. к 2014 г.		-	151,5	79,8	51,9	64,5	78,3	88,8	
Использование ПМ в 2021 г. к 2014 г.		-	115,9	101,6	83,3	224	150	100	122
Среднегодовой уровень использования ПМ	2010–2013 гг.	-	48,6	67,4	39,6	25,9	40,8	57,9	40,6
	2014–2021 гг.	-	51,8	51,5	28,2	21,1	42,8	38,5	30,3
Среднегодовые темпы прироста инвестиций	2010–2013 гг.	10,9	-	-	-	-	-	-	-
	2014–2021 гг.	2,1	183,3*	4,2*	14,5*	49,2*	25,7*	-	-
	2022 г. (январь-сентябрь)	-54,4	-90,4	-63,3	-20,0	-	-21,4	-	-
Инвестиции в основной капитал в 2021 г., млрд руб.		118,1	18,9	49,9	1,9	0,08	19,2	-	-

Примечание. * – Данные за 2017–2021 гг.

В отрасли серьезные проблемы. Еще несколько лет функционирования в сложившемся формате – и от отечественного автомобилестроения в лучшем случае останутся только нишевые производства.

Анализ в рамках предложенного подхода можно продолжать, но принципиально нового знания он не принесет: в каких-то отраслях обрабатывающей промышленности ситуация в терминах рассматриваемой триады «выпуск-мощности-инвестиции» лучше, в каких-то хуже. Тем не менее за каждым конкретным, часто уникальным видом продукции просматривается общий тревожный фон. Производственный аппарат отечественной промышленности слабо востребован российской экономикой. А то, что не востребовано, рано или поздно отмирает. Снижение инвестиций в обрабатывающие производства в последние годы – отражение этого процесса.

В отраслях, продукция которых находит спрос в глобальной экономике, отмеченные процессы если и наблюдались, то в легкой форме. Мощности добывающих производств, металлургической и химической промышленности использовались достаточно интенсивно. Росли здесь, хотя и не слишком быстро в последние годы, инвестиции.

Сказать, что основные проблемы воспроизводства производственного аппарата локализованы в машиностроении – погрешить против истины, но то, что они здесь проявляются в наиболее острой форме – очевидно. Причем, чем сложнее продукция, тем обычно хуже ситуация с загрузкой и обновлением мощностей. Почему?

Финансовая политика и развитие системы производственных мощностей российской промышленности

Фундаментальная проблема отечественного обрабатывающего комплекса – слабый спрос на его продукцию, который задается двумя формально независимыми, но усиливающими друг друга факторами.

Первый – чрезмерная открытость российской экономики. До февраля 2022 г. российский товаропроизводитель в рамках признанных Россией норм ВТО честно конкурировал с импортом. Шансов на выигрыш в этой борьбе было немного. Поддержка (защита) отечественного товаропроизводителя в России несопоставима с поддержкой, оказываемой западными странами своим компаниям, а огромные, по сути, рентные доходы

от экспорта сырьевых товаров создавали возможность (по мере деградации отечественной промышленности, превращавшуюся в необходимость) импорта постоянно расширяющейся номенклатуры зарубежных товаров под теоретическим обоснованием «потребитель имеет право приобретать ту продукцию, которую считает нужной».

Постепенно усиливающееся в 2014–2022 гг. санкционное давление позволяло приобретать готовую продукцию и комплектующие, но все больше затрудняло доступ к технологиям производства сложной продукции. В результате российский производственный аппарат незаметно менял свою природу – он становился все менее технологичным и все более сборочным. Февраль 2022 г. показал, что собирать те немногие виды продукции, которые еще производились в России, по сути, не из чего.

Второй фактор слабого спроса на отечественную продукцию – реализуемая в стране монетарная политика, жесткость которой, обусловленная целевыми показателями по борьбе с инфляцией, «по определению» направлена на снижение спроса. Но если нет спроса – зачем нужно делать инвестиции? Ведь имеющиеся мощности все равно простаивают. И далее по кругу: нет инвестиций – нет технологического обновления. А технологической застой – крест на конкурентоспособности.

И все же значение жесткости монетарной политики преувеличивать не стоит. Допустим, ключевая ставка ЦБ снижена до разумного уровня. Следует ли ожидать инвестиционного бума? Оживления – да: чем ниже ключевая ставка, тем выше прирост инвестиций, и наоборот (рис. 2). Проблема, правда, в том, что эта закономерность хорошо прослеживается лишь в спокойные годы, а в периоды тяжелых испытаний она не столь явная. Так, весьма низкая (по российским меркам) ключевая ставка в ковидном 2020 г. не предотвратила спада инвестиций, а ее повышение в тоже непростом 2021 г., напротив, не остановило их роста. В прежние годы за столь резким повышением ключевой ставки, какое мы наблюдали в 2022 г., обычно следовало абсолютное уменьшение инвестиций. Однако в 2022 г. их рост хотя и замедлился, но все же оставался на сравнительно высоком уровне.

Инвестиционная активность бизнеса, безусловно, зависит от жесткости монетарной политики [Баранов, Павлов, 2018]. Но если ее ужесточение подавляет инвестиции, то смягчение уже не столь продуктивно – инвестиции растут, но лишь до определенного, не слишком высокого, предела. Серьезные

инвестиционные проекты запускаются не тогда, когда кредит дешев, а когда у инвестора есть основания полагать, что он играет со своими конкурентами по одним правилам. Между тем отечественный инвестор в прошлые годы на личном опыте не раз имел возможность убедиться, что Россия играет по правилам, формируемым в рамках глобальной экономики, сам смысл которых заключается в изъятии ресурсов у экономически слабых государств и недопущения того, чтобы они стали сильными.

Рис. 2. Ключевая ставка и прирост инвестиций в основной капитал в 2013–2022 гг., %

Российскому обществу предстоит осознать (догадывается об этом оно давно), что удивительное по своему упорству стремление продать за границу как можно больше сырья, возможно, ведет к краткосрочному росту уровня жизни, но цена этой стратегии – деградация обрабатывающего сектора экономики, формирование критической зависимости по основным товарным группам от остального мира и, как следствие, потеря суверенитета уже в среднесрочной перспективе.

Успехи российской исполнительной и законодательной власти в создании условий для производства продукции с высокой добавленной стоимостью, как было показано, невелики. Остается надеяться, что лавинообразное нарастание санкционного давления на российскую экономику все же изменит ситуацию. Итоги 2022 г. как будто дают основания для сдержанного оптимизма: 5,5%-й прирост инвестиций в 2022 г., конечно,

еще очень далек от 24% -го прироста в спокойном 2007 г., но все же вдвое выше, чем среднегодовая динамика за последние 10 лет. ЦБ РФ оценивает будущее, правда, менее оптимистично: согласно его прогнозу, прирост инвестиций в 2023 г. будет находиться в диапазоне от 1,5% до 4,5%³.

Ошибается регулятор или нет? Если российский бизнес сумеет переориентироваться на поставщиков готовой продукции/комплектующих, не боящихся или умеющих уклоняться от санкций, а монетарная политика останется столь же жесткой – прогноз может оказаться точным.

Если же российский бизнес убедится, что создать свое производство надежнее и проще, чем заменить поставщиков из многих стран на немногих других с сохраняющимся высоким риском потерять и их, есть все шансы преодолеть планку ЦБ. Но без активного участия государства в апгрейде российской институциональной системы эта проблема, следует отметить, нерешаема: когда инвестор расценивает риск невозврата инвестиций как неприемлемый, не помогут ни западный кнут, ни отечественный пряник.

Инвестиционная политика и развитие системы производственных мощностей российской промышленности

Для запуска инвестиционного процесса в РФ требуется ограничить конкуренцию со стороны зарубежного товаропроизводителя, поддерживать понятные и приемлемые для бизнеса условия для внутренней конкуренции, обеспечить доступ отечественного товаропроизводителя к дешевым кредитным ресурсам.

Выполнение первого условия – прямое нарушение обязательств, принятых РФ при вступлении в ВТО. Но было бы наивно ожидать от РФ догматичного следования нормам этой организации в условиях действующих против страны санкций.

Реализация второго условия сложнее. Приемлемый уровень риска для инвестора при реализации крупных проектов может обеспечить только государство. На протяжении последних двадцати лет эти риски были весьма высоки и имели слабую тенденцию к снижению (качество российских институтов в 2004–2005 гг. оценивалось в 3,54 балла (89-е место

³ Редакционная статья «Нас не догонишь» // Эксперт. 2023. № 7 (1285). С. 11.

в мире, данные по 104 странам)⁴, в 2016–2017 гг. – 3,6 балла (88-е место из 138 стран)⁵. Вкладываться в разработку условной турбины или технологического процесса, имея все основания ожидать, что потребитель выберет зарубежный аналог даже не потому, что у того более высокие технические характеристики, а из-за лучших финансовых условий приобретения или сервисной поддержки, желающих немного. Государство, гарантируя, что при выполнении заранее определенных требований, продукция крупного инвестиционного проекта будет востребована в национальной экономике и поддержана при выходе на внешний рынок, способно переломить эту ситуацию. Формы такой гарантии могут быть различными: ГЧП, госзакупки, целевые программы развития стратегически значимых отраслей и др.

Третье условие. То, что дешевый инвестиционный кредит лучше, чем дорогой – очевидно. Но жесткая монетарная политика – это не только «запрет» на кредит, но в еще большей степени дестимулирование спроса. Именно снижение спроса – основная задача монетарной политики в борьбе с инфляцией [Кудрин и др., 2017]. А слабый спрос предопределяет низкую загрузку мощностей, вялый инвестиционный процесс, стагнацию производства. Игнорировать проблему инфляции неправильно, но и сознательно тормозить развитие экономики недопустимо.

Поэтому очень трудно избежать искушения обвинить ЦБ РФ в том, что он, ориентируясь на свои узковедомственные интересы (банк отвечает за финансовую сферу, а не за экономический рост), попутно душит национальную экономику. Действительно, реальная угроза инфляции возникает тогда, когда мощности используются полностью, и дальнейшее увеличение выпуска на них уже невозможно. Высокий спрос в этом случае практически с неизбежностью приводит к росту цены на производимую продукцию. Но мы убедились, что загрузка производственных мощностей в отечественном обрабатывающем секторе невелика. Потому, по крайней мере, до тех пор, пока ситуация здесь не изменится, жесткая монетарная политика хуже мягкой. Наконец, высокие цены на продукцию – индикатор того, что в технологической системе возникло узкое место, которое необходимо «расшить», т.е. активизировать инвестиции. В указанном смысле

⁴ The Global Competitiveness Report 2004–2005. Available at: http://www.ieseinsight.com/casos/Study_0035.pdf, P. XVII.

⁵ The Global Competitiveness Report 2016–2017. <https://www.weforum.org/reports/the-global-competitiveness-report-2016-2017-1>, P. 307.

борьба с инфляцией – это попытка законсервировать сложившуюся производственную систему, остановить структурную перестройку экономики под новые экономические реалии.

Проблема, правда, в том, что данная логика хорошо работает в спокойное для экономики время. Для условий СВО она, к сожалению, не годится. Возникший вдруг внутренний спрос, разгоняющий инфляцию, имеет свои причины. И не последняя из них – резко изменившаяся структура этого спроса. Экономика переходит на военные рельсы. Кратно, во многих случаях на порядки, растет производство продукции оборонного назначения. И этот рост требует ресурсов – труда, материалов, комплектующих, денег, производственных мощностей, наконец. Проекты, необходимые для удовлетворения этого спроса, получают субсидирование процентной ставки от государства. Остальные, в силу жесткости бюджетных ограничений, нет. Высокая ключевая ставка в новых условиях – не более чем инструмент перераспределения ограниченных ресурсов в соответствии с приоритетами, устанавливаемыми государством. Как писал классик: «и прыжков, кстати, всегда не хватало на всех»⁶.

Заключение

Опыт развитых стран показывает, что опора исключительно на рыночный механизм развития российской промышленности не только неэффективна, но и опасна. Рыночный механизм хорош на кратко- и среднесрочном горизонте принятия инвестиционных решений. Стратегические задачи развития производственного сектора страны он решает плохо, либо не решает вовсе [Порфирьев и др., 2022].

Это означает, что государству, которому до сих пор удавалось уклоняться от принятия решений, мотивирующих бизнес развиваться вглубь (в части обрабатывающей промышленности) и вширь (на восток) для решения долгосрочных задач национального развития, придется четко сформулировать цели развития отечественной экономики на долгосрочную перспективу с детализацией и приоритизацией решаемых задач во времени, выделяемыми ресурсами и ответственными за их выполнение [Яковлев и др., 2023].

Четкое формулирование целей национального развития позволит через разработку соответствующих стратегических документовкратно усилить

⁶ *Окуджава Б.* В поход на чужую страну собирался король.

институт гарантированного спроса – мощнейшего фактора запуска крупных инвестиционных проектов [Алексеев, 2023]. Для этого придется меньше оглядываться на нормы ВТО, препятствующие развитию национального бизнеса; проводить денежно-кредитную политику, ориентированную на создание новых производств, генерирующих новую стоимость, повышающую спрос на деньги и, следовательно, противодействующих инфляции; не создавать резервы на «черный день», а вкладывать имеющиеся ресурсы в развитие производственного аппарата страны, который «технологически» не позволит этому «черному дню» наступить.

Литература /References

- Аганбегян А.Г. О преодолении стагнации, рецессии и достижении пятипроцентного роста // Экономическое возрождение России. 2019. № 2 (60). С. 17–23.
- Aganbegyan, A.G. (2019). On overcoming stagnation, recession and achieving 5% growth. *Russia's Economic Revival*. No. 2 (60). Pp. 17–23. (In Russ.).
- Алексеев А.В. Гарантия спроса: паллиатив или выход из стагнационной ловушки? // ЭКО. 2023. № 7. С. 39–50. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2023-7-39-50
- Alekseev, A.V. (2023). Demand Guarantee: Palliative or a Way Out of the Stagnation Trap? *ECO*. No. 7. Pp. 39–50. (In Russ.). DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2023-7-39-50
- Баранов А.О., Павлов В.Н. Будет ли новый экономический прорыв в России? // ЭКО. 2018. № 12. С. 76–90.
- Baranov, A.O., Pavlov, V.N. (2018). Will there be New Economic Breakthrough in Russia? *ECO*. No. 12. Pp. 76–90. (In Russ.).
- Кудияров С. Шинное ханство // Эксперт. 2022. № 45. 7–18 ноября. С. 27.
- Kudiyarov, S. (2022). Tire khanate. *Expert*. No. 45. P. 27. (In Russ.).
- Кудрин А., Горюнов Е., Трунин П. Стимулирующая денежно-кредитная политика: мифы и реальность // Вопросы экономики. 2017. № 5. С. 5–28.
- Kudrin, A., Goryunov, E., Trunin, P. (2017). Stimulative monetary policy: myths and reality. *Voprosy Ekonomiki*. No. 5. Pp. 5–28. (In Russ.).
- Новый импульс Азиатской России / Под. ред. В.А. Крюкова, Н.И. Сулова; Сиб. отд-ние РАН, ИЭОПП СО РАН. Новосибирск: СО РАН: Изд-во ИЭОПП СО РАН, 2022. 572 с.
- New Impulse of Asian Russia* (2022). Ed. V.A. Kryukov, N.I. Suslov; Siberian Branch of RAS, IEIE SB RAS. Novosibirsk: SB RAS: IEIE SB RAS. 572 p. (In Russ.).
- Порфирьев Б.Н., Широв А.А., Узьяков М.Н., Гусев М.С., Шокин И.Н. Основные направления социально-экономического развития в 2020–2024 гг. и на период до 2035 г. // Проблемы прогнозирования. 2020. № 3. С. 4.
- Porfiriyev, B.N., Shirov, A.A., Uzyakov, M.N., Gusev, M.S., Shokin, I.N. (2020). The main directions of socio-economic development of Russia in 2020–2024 and for the period up to 2035. *Studies on Russian Economic Development*. T. 31. No. 3. Pp. 245–253. (In Russ.).

- Сальников В.А., Апокин А.Ю., Галимов Д.И., Гнидченко А.А., Голощанова И.О., Михеева О.М., Рыбалка А.И., Шухгальтер М.Л. Анализ важнейших структурных характеристик производственных мощностей Обрабатывающей промышленности России. М., 2017. С.11
- Salnikov, V., Apokin, A., Galimov, D., Gnidchenko, A., Goloshchapova, I., Mikheeva, O., Rybalka, A., Shuhgalter, M. (2017). *Analysis of the most important structural characteristics of Russian manufacturing capacity*. Moscow. 191 p. (In Russ.).
- Яковлев А.А., Фрейнкман Л.М., Еришова Н.В., Агалян А.А. Оценка эффективности инструментов промышленной политики в России: новые подходы // ЭКО. 2023. № 2. С. 60–83. DOI: 10.30680/ECO0131–7652–2023–2–60–83
- Yakovlev, A., Freinkman, L., Ershova, N., Ahalian, A. (2023). Assessing the Effectiveness of Industrial Policy Instruments in Russia: New Approaches. *ECO*. No. 2. Pp. 60–83. (In Russ.). DOI: 10.30680/ECO0131–7652–2023–2–60–83

Статья поступила 20.12.2023

Статья принята к публикации 10.01.2024

Для цитирования: Алексеев А.В. Финансовая и инвестиционная политика в зеркале системы производственных мощностей: тест не пройден // ЭКО. 2024. № 1. С. 48–71. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2024-1-48-71

Информация об авторе

Алексеев Алексей Вениаминович (Новосибирск) – доктор экономических наук. Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН.
E-mail: avale@mail.ru; ORCID: 0000–0002–4068–5951

Summary

A.V. Alekseev

Financial and Investment Policy in the Mirror of the Production Capacity System: Test Failed

Abstract. The paper analyzes the time series of data in the structure of “capacity-output-investment” for products representing the main branches of extractive and manufacturing industries and examines the factors preventing the Russian economy from entering a new economic thoroughfare adequate to modern realities. Particular attention is paid to the relationship between the dynamics of industrial output and investment in the context of replenishment of production capacities of Russian industry (their absolute level, dynamics of input/output and intensity of use), which remains on the periphery of modern economic discourse. The author considers the peculiarities of state regulation of economic activity in the Russian Federation and the impact of the monetary policy conducted by the Central Bank of the Russian Federation on the pace and nature of the investment process from the point of view of both the possibility of its implementation (conditions for obtaining a loan for investment purposes) and demand restrictions set by the value of the key rate.

Keywords: *economic growth; industrial output; production capacity; investments; key rate; industrial policy*

For citation: Alekseev, A.V. (2024). Financial and Investment Policy in the Mirror of the Production Capacity System: Test Failed. *ECO*. No. 1. Pp. 48–71. (In Russ.). DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2024-1-48-71

Information about the author

Alekseev, Aleksey Veniaminovich (Novosibirsk) – Doctor of Economic Sciences. Institute of Economics and Industrial Engineering, SB RAS.

E-mail: avale@mail.ru; ORCID: 0000–0002–4068–5951